

Опыт жизнестроительства творцов культуры серебряного века позволяет осознать, какую важную роль в деле сохранения и развития культуры в условиях хаоса нестабильности способна сыграть цельная, свободная и ответственная творческая личность. Поскольку русская и украинская культура перманентно находятся в ситуации нестабильности, возрастает необходимость изучения подобных феноменов.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лыкова В.В.
г. Курск. Россия

Проблема социальной, особенно исторической, памяти актуализируется во всех современных обществах, в связи с тем, что структурно меняется механизм накопления, использования и передачи социокультурного опыта, конструирующей трансформационные процессы. Особенно непросто процессы трансформации протекают в России, как в связи со сложностью социальной структуры и глубиной преобразований, так и осуществлением проектов, противоречащих прошлому опыту.

В социальной памяти непрерывно осуществляется взаимодействие прошлого- настоящего – будущего. Невероятное ускорение истории приводит к «сокращению настоящего», взрывному разрастанию прошлого и проектам влияния на будущее. Резко увеличивается, прежде всего, объем недавнего прошлого, который нужно осмыслить, свернуть в социальные матрицы, закодировать. Особенно трудно это сделать с прошлым, когда оно ценностно отрицается настоящим. Победившие социальные группы (и их элиты), используя профессионалов в сферах знания и информации, пытаются перекодировать прошлое, акцентируют внимание на негативных явлениях, на антигуманности событий прошлого, стремясь вызвать по отношению к нему отрицательные эмоции, т.к. именно через позитивные эмоции восстанавливается связь с прошлым.

Подобное конструирование может оказаться эффективным только в том случае, если внедряемое не противоречит архетипическим ценностям, разделяемым большинством. В противном случае, либо начнется «война историй», которая вполне может завершиться гражданской войной, либо из социоисторического творчества выводится часть населения страны, возможно, значительная, что при современной глобальной динамике вызовет замедление темпов развития (застой) и, тем самым, обострение борьбы за наиболее эффективный вариант будущего, следовательно, вновь переписывание прошлого с целью «укоренения».

Однако функции социальной памяти остаются все теми же, как их выделил М.Хальбвакс в 1925 году: сохранение единства сообщества и трансляция общего опыта, а не восстановление исторических событий в их «подлинном» виде. Поэтому в исторической памяти постоянно идут процессы переинтерпретации прошлого (прежде всего, в интересах доминирующих социальных сил), которые с неизбежностью сопровождаются его приукрашиванием - мифологизацией, вплоть до фальсификаций. Главное в процессе конструирования прошлого, во-первых, не расколоть общество и не противопоставить друг другу социальные слои и группы (как в синхроническом, так и диахроническом срезе). Во-вторых, вовлечь в социо-исторический процесс как можно большее количество людей, делая для них социальную динамику осмысленной и эмоционально близкой, через восстановление «связи времен».

В этом случае необходимо, прежде всего, гуманитарной интеллигенции выделить некий конструкт позитивных оцениваемых, взаимосвязанных исторических событий и персонажей, позволяющих интегрировать общность. Его нет необходимости создавать заново, многочисленными социологическими опросами в современной трансформируемой России выявлен довольно устойчивый круг значимых исторических событий и лиц. Отрицать, разрушать его непродуктивно, воздействовать необходимо «точечно», постепенно расширяя границы памяти за счет включения новой, чаще всего альтернативной информации о прошлом, апеллируя к чувству гуманизма, сострадания к «потерпевшим» в истории.

В сегодняшней исторической памяти, как россиян, так и граждан не только постсоветских государств, но и всех стран «советского блока», обязательно присутствует советское прошлое в качестве неизбежного, а иногда центрального элемента структуриации памяти. Однако попытка создания из советского прошлого «исторического пугала», негативного ядра для самоидентификации, вызывает у одних стремление забыть все «совковое» и грозит потерей своей идентичности и очень продуктивного, хотя и неоднозначного, социального багажа. Другие, по преимуществу русские, на которых возложен непомерный груз вины за исторические ошибки всех и элиминировано право на достойное существование в будущем, начинают ностальгировать и идентифицировать себя с советским прошлым, при этом идеализируя его, возрождая самые архаические и агрессивные идентичности.

В массовой исторической памяти россиян начинаются самоорганизующиеся процессы конструирования новой, интегрированной идентичности. Можно указать на процессы возрождения исторических событий и лиц в локальной исторической памяти, осуществляемой, кстати, при значительной активности местных властей. Весьма значимыми для людей остается семейная память, в которой особенно сильна эмоциональная связь с предками, где примирение с прошлым идет в наиболее гармоничной и личностной форме. Хотя сегодня фиксируется массовое возрождение интереса к семейной и личной истории, без поддержки со стороны властных органов и особенно профессионалов-историков, реализовать его сложно, т.к. семейная память существует в виде «живой истории» и держится без специальных социальных проектов не более 2-3 поколений.

Проблемы, на наш взгляд, заключаются в том, что для того, чтобы использовать действительно эффективно советские социальные практики, их надо легитимизировать, делая предметом обсуждения в обществе, выявляя возможности их приспособления и трансформации.

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Макогонова В.В.

г. Днепрпетровск. Украина

Для того, кто добросовестно желает включиться в работу по рассмотрению круга вопросов, связанных с изучением феномена интеллигентности, существующая на сегодняшний день исследовательская традиция предстает «пугающе» богатой. Чрезвычайно интересными и методологически важными представляются попытки построения формулы интеллигентности. Трудно не согласиться с теми, кто понимает интеллигентность как исходное ключевое понятие, раскрыв содержание которого можно определить сущность интеллигентности.

В качестве отправной точки для размышлений принимается формула интеллигентности, предложенная А.В. Соколовым. Формула выглядит так: $I = [C \& V] kT$. Где I – интеллигентность; C – образованность и креативность, что составляет интеллектуальную постоянную; V – этическая переменная; kT – коэффициент исторического времени, принимающий различные значения в зависимости от поколения интеллигентности. Таким образом, интеллигентность – «интегральное качество личности, включающее на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигентности, образованность, креативность, индивидуальное или субкультурное этическое самоопределение» [2, с.64].

Итак, формула интеллигентности есть. Интеллигент – это человек, обладающий качеством интеллигентности. Интеллигентность – множество (социальная группа) интеллигентов. То есть интеллигентность – это группа людей, обладающих качеством интеллигентности. Означает ли это, что свою интеллигентность и свою принадлежность к интеллигентности человек воспринимает как нечто абсолютно взаимосвязанное? Почему достаточно свободно, часто даже с вызовом, человек может публично отречься от своей принадлежности к интеллигентности как социальной группе (по этическим, политическим мотивам). Но этот же человек не захочет отречься, тем более публично, от себя как обладателя интеллигентности. Почему другой человек с легкостью признает себя представителем интеллигентности, но постесняется сам себя назвать интеллигентным?

Вероятно, дело в том, что в приведенной выше формуле кроме интеллектуальной константы есть этическая переменная и исторический коэффициент. Они и определяют нетождественность утверждений «я – интеллигентный человек» и «я – представитель интеллигентности».

Можно ли отыскать некоторую константу, такую, чтобы все составляющие формулы интеллигентности выступали в качестве производных от этой константы? Автор данного сообщения предлагает связать поиски общего знаменателя, который может объединить в рамках единого все многообразие культурно-исторических форм, в которых проявила себя интеллигентность, с категорией эстетического.

Сама эта категория неоднозначна, что связано с имеющимися разногласиями в понимании сути эстетики. Если отождествлять эстетику в первую очередь, с философией искусства, то категории эстетическое и художественное сводятся друг к другу. Существует более широкое понимание эстетики. «Эстетика – это наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт ее освоения, в процессе (и в результате) которого человек ощущает, переживает состояние духовного наслаждения, гармонию с Универсумом. Эстетическое – это совокупность человеческих взаимодействий и отношений с миром, нацеленных на достижение гармонии с ним» [1; с.157].

В контексте обозначенной проблемы ключевым понятием представляется «неутилитарное отношение к действительности». Тогда все составляющие указанной выше формулы – производные от эстетического.

«Неутилитарность» C (интеллектуальной константы: образованность, широкий общекультурный кругозор) – это своего рода «жажда подлинности» (по Хайдеггеру), стремление быть самим собой, а не просто продуктом своего образования или своей среды. Отсюда креативность как интеллектуальная независимость, свободомыслие.

«Неутилитарность» – постоянный элемент этической переменной (V). Альтруистическая направленность, предполагающая ощущение личной ответственности за благосостояние других людей. Ориентация не на самосохранение, а на растрачивание, дарение себя другим.

«Неутилитарное отношение к действительности» может выступать принципом, объединяющим различные поколения интеллигентности, каждое из которых характеризуется типичным для себя социально – психологическим складом.

На основании вышесказанного автор данного сообщения обозначает интеллигентность как эстетическую категорию.

Источники и литература

1. Бычков В.В. Эстетика – М., 2002.
2. Соколов А.В. Формула интеллигентности // Вопр. философии, 2005, с.57 - 67